

С. О. КАЗАКОВ

ЭРНСТ ЮНГЕР В XXI ВЕКЕ

Автор анализирует две крупные биографии, вышедшие в Германии в 2007 г. и посвященные жизни и творчеству немецкого мыслителя Эрнста Юнгера.

Ключевые слова: Веймарский период, диагноз эпохи, цивилизации, консерватизм, «Новые правые», исторический контекст.

Сравнение двух биографий, посвященных выдающемуся немецкому философу Эрнсту Юнгеру (1895–1998) и вышедших почти одновременно¹, интересно по нескольким причинам. Обе монографии, насчитывающие в совокупности более 1 300 страниц, претендуют на подведение итогов в исследовании жизни и творчества мыслителя, который к тому же был масштабной личностью. Объем книг вполне объясним, поскольку Эрнст Юнгер отличался завидным долголетием, а его творчество – многообразием, противоречивостью и притягательной силой. Среди юнгероведов можно встретить историков, философов, литературоведов, представителей практически всего спектра гуманитарного знания.

Эрнст Юнгер – один из 11 пехотных командиров – героев Первой мировой войны и кавалеров высшего военного прусского ордена Pour le Mérite, его последнее полное собрание сочинений насчитывает 22 тома, не считая обширного эпистолярного наследия, в котором по-прежнему делаются важные открытия². Военный дневник Юнгера «В стальных грозах» стал литературной классикой. Широкую известность принесли ему публицистика Веймарского периода, а также своего рода трактаты «Тотальная мобилизация» и «Рабочий», где осмысливался опыт проигранной войны, и намечалась перспектива реванша. Именно эти произведения Юнгера сыграли немаловажную роль в формировании в недолговечной республике климата, способствовавшего приходу к власти Гитлера, хотя сам Юнгер оставался вне рядов нацистского движения. Потом последует его отстраненность от нацистского режима, которую ряд исследователей считают неким подобием «внутренней эмиграции».

¹ Helmut Kiesel. Ernst Jünger. Die Biographie. Siedler Verlag. München. 2007. 717 s.; Heimo Schwilk. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biografie. Piper Verlag. München. 2007. 623 s.

² Ernst Jünger – Gershom Scholem. 2009.

Хотя Юнгер общался с некоторыми организаторами военного заговора против Гитлера 20 июля 1944 г., но участия в нем не принимал, занимая позицию наблюдателя. Последовавшая вскоре смерть на фронте старшего сына способствовала его отдалению от гитлеровского режима. После 1945 г. мыслитель пережил сложную эволюцию. Позднее он неоднократно подвергал редактуре свои произведения веймарских времен. Характерно, что оба биографа обошли вниманием опубликованную в 1946 г. книгу известного немецкого историка Фридриха Майнеке «Германская катастрофа», хотя сопоставление с ней первых послевоенных произведений Юнгера напрашивалось. Конечно, это было бы не в пользу их героя, но помогло бы лучше его понять. Характерно, что более чем полувековой поствеймарский период занимает в книгах Кизеля и Швилка намного меньше места, чем 14 лет первой немецкой республики, хотя нет оснований полагать, что оба автора менее знакомы с этим этапом биографии своего героя, чем с предшествующим.

Хельмут Кизель – профессор старейшего интеллектуального центра Германии – университета Гейдельберга и специалист по современной немецкой литературе. Его прежние работы были направлены на изучение немецкого литературного модерна³. Кизель также является составителем и комментатором обширного тома переписки философа с известным и весьма одиозным правоведом Карлом Шмиттом⁴.

Журналист по профессии, Хаймо Швилк не одно десятилетие занимался изучением творческого наследия и жизненного пути Эрнста Юнгера. Он выпустил в 1988 г. альбом, снабженный выдержками из писем и документов, краткими информационными сообщениями от составителя⁵. Ему также принадлежит ряд публикаций в консервативных изданиях, таких как “Welt am Sonntag” и «Criticon»; он один из составителей сборника, посвященного столетию мыслителя⁶. Его личное знакомство с философом и возможность обсуждения с ним различных тем, придают его произведениям особый оттенок.

Надо отдать должное авторам, они проделали большую работу, анализируя обширную «юнгеряну». Каждому по-своему удалось пройти путь к синтезу биографических и творческих аспектов жизни и наследия Юнгера. Обе книги по праву называют обобщающими. Они в целом отражают состояние «юнгеряны» на начало XXI в. Однако можно согласиться с упреками, высказанными авторами рецензий по

³ Kiesel. 1994; *Idem.* 1999.

⁴ Kiesel. 1999.

⁵ Schwilk. 1988.

⁶ Schwilk. 1999; *Idem.* 1998; *Idem.* 2000; Figal, Schwilk. 1995.

адресу обеих монографий. Итоги подведены, но на их базе не было сделано сколько-нибудь значительного шага вперед.

Кроме того, в обобщениях обоих исследователей воспроизводится утвердившийся штамп: в соответствии со сложившейся традицией центральное место отводится Юнгеру Веймарского периода. Однако, дело не только и даже не столько в том, что тогда появились его наиболее резонансные произведения, а он сам играл немаловажную роль в духовной и политической жизни республики. Концентрация внимания на этих сравнительно недолгих годах во многом обусловлена желанием обоих биографов «обелить» своего героя, они не жалеют книжного пространства для оправдательных аргументов. В сущности, такой подход можно считать парадигматическим для всей «юнгеряны».

Правда, Кизель и Швилк избирают разные варианты «отбеливания». Первый, будучи литературоведом, стремится сгладить позицию Юнгера, включая его в литературно-публицистический поток из произведений критиков и противников республики. Тем более, что среди них были видные фигуры, отнюдь не симпатизировавшие нацизму. К тому же некоторые из них, как, например, Томас Манн, не сразу приняли политическую реальность, сложившуюся после 1918 г. Кизель отмечает, что «враждебный республике антидемократизм был свойственен многим, если не большинству интеллектуалов Веймарской республики, и не только правым <...>, но также многим известным представителям левых»⁷. Подобные выводы служат для того, чтобы размыть ответственность Юнгера за участие в «погребении республики». Имея в виду сравнительно короткий период в жизни и творчестве Томаса Манна, связанный с его крайне националистическими позициями в «Размышлениях аполитичного», Кизель пишет: «Бросается в глаза то, что Юнгер со своей приверженностью к антиреспубликанизму и антипарламентаризму не был исключением, скорее им являлся Томас Манн со своим поворотом к республике и демократии»⁸. Кизель считает, что сложно спорить с теми, кто причисляет Юнгера к «могильщикам Веймарской республики» и «пионерам третьего рейха», но, с другой стороны, нельзя переоценивать «силу слова» Юнгера-публициста и его значение в крушении Веймарской республики, а необходимо учитывать множество других факторов и действующих сил⁹. При этом, конечно же, обстоятельный текстологический анализ Кизелем работ Юнгера, прежде всего

⁷ Kiesel. 2007. S. 305–306.

⁸ Ibid. S. 305.

⁹ Ibid. S. 308–309.

тех, которые впоследствии были подвергнуты неоднократной переработке (“Bearbeitungsmanie”) представляет особый интерес и дает понять некоторые особенности мировоззрения Юнгера, его стремление «двигаться по различным слоям истины»¹⁰.

Автор также делает упор на широту масштабов юнгеровского подхода, далеко выходящего за рамки текущей политики. Во вступлении к биографии мыслителя Хельмут Кизель отмечает, что «Юнгер был, прежде всего, активистом цивилизационной модернизации, и только после этого может быть отнесен к решительным критикам цивилизации. Его наследие – это познавательно насыщенная поэтическая хроника многочисленных упущений и деструкций XX в. и одновременно попытка их историко-философского осмысления и преодоления»¹¹.

Именно по этой причине один из разделов вступления книги Кизеля называется: «Эрнст Юнгер в “немецком столетии”». Кизель ставит целью в рамках широкого литературного и исторического контекста показать незаурядность и неоднозначность Юнгера как литератора и мыслителя столь сложной эпохи, как прошлый век. Он ссылается, в частности, на мнение авторитетного антифашистского писателя Карла Цукмайера, который в 1943 г. писал, что юнгеровская оппозиция нацизму «не идентична позиции других военных и консервативных кругов», и Юнгер не связывает свой «идеал о господстве с идеалом господства расы». Вместе с тем, он отмечает, что не следует делать жизнь и труды Юнгера «неприкосновенными». Своей работой, как пишет исследователь, он старается показать подлинный «ранг» мыслителя и непредвзято, «с учетом исторических обстоятельств», избегая искуса табу, отдать ему должное, не подходя к предмету «с простыми формулами»¹².

Тем не менее, Кизель уверен, что философ все же находился во «внутренней эмиграции» при Гитлере, правда, отмечая, что было два Юнгера: «ранний, который мог без проблем находиться в “Третьем рейхе” <...> и поздний, который публично оказался на дистанции к режиму»¹³. В этом суждении можно увидеть расхождение со Швилком, который полагает, что Юнгер не находился во «внутренней эмиграции» подобно многим писателям, оставшимся внутри страны, и даже как автор финансово выиграл от «нового государства», благодаря возросшим продажам дневника «В стальных грозах»¹⁴. Но оба однозначно оценили

¹⁰ Ibid. S. 218.

¹¹ Ibid. S. 14.

¹² Ibid. S. 17-18.

¹³ Ibid. S. 425.

¹⁴ Schwilk. 2007. S. 360.

роман «На мраморных утесах», и относится к тем исследователям, которые видят в нем антиутопию, направленную против нацистского государства. Швилк прямо пишет о том, что в этом произведении 1939 г. «был предсказан конец “Третьего рейха”»¹⁵. Так же и Кизель считает, что эта книга пророчила крушение нацистского режима¹⁶.

Хотя у Кизеля и Швилка довольно много пересечений, второй из них, будучи журналистом, предпочел сделать упор на личностные свойства Юнгера. Именно в них он ищет ключ к пониманию жизни и творчества мыслителя. Швилк говорит о необходимости воспроизвести «внутреннее развитие Юнгера», которое может быть реконструировано на основе писем и документов¹⁷. Автор отмечает сложность мышления философа, подчеркивая, что и для почитателей, и для критиков он долгое время находился «под покровом мифа», но для самого Швилка Юнгер, прежде всего, чрезвычайно «продуктивный автор» и «летописец столетия», эссеист с «неповторимым, сверкающе-агрессивным стилем», в каком «непререкаемо мог бы говорить всемирный дух»¹⁸. Возможно поэтому, Швилк начинает свое исследование с одного из самых поздних фактов жизни Юнгера – его перехода Юнгера в католичество¹⁹.

Швилк пытается раскрыть взаимосвязь между событиями жизни писателя и его творчеством, порой погружаясь в чрезмерные подробности и психологические аллюзии. Так, довольно большое место он отводит детским и юношеским годам жизни мыслителя. На взгляд Швилка, «поход» в детство Юнгера – это важный момент в исследовании: «если мы хотим знать, кем действительно был Юнгер за всеми масками и метаморфозами, то необходимо обратиться к его детству, потому что, несмотря на все превращения, он до конца оставался ребенком»²⁰.

Оба автора фактически проходят мимо книги известного немецкого историка Ганса-Петера Шварца. Его фамилия упоминается лишь раз у Швилка. Это досадный пробел обеих биографий, так как книга Шварца остается одной из самых глубоких интерпретаций Юнгера. Особенно интересна она с точки зрения личностного подхода, столь ощутимого у Швилка. Характеризуя Юнгера как «консервативного анархиста»²¹, Шварц подчеркнул, наверное, наиболее важную черту личности мысли-

¹⁵ Ibid. S. 377.

¹⁶ Kiesel. Op. cit. S. 480.

¹⁷ Schwilk. Op. cit. S. 17.

¹⁸ Ibid. S. 15.

¹⁹ Ibid. S. 21.

²⁰ Ibid. S. 23.

²¹ Schwarz. 1962.

теля, воспрепятствовавшую его сближению с национал-социализмом. Сугубому индивидуалисту Юнгеру было бы тесно в жестких путях тоталитарного порядка. С одной стороны, в нем он видел перспективу реванша, а с другой, его характер противостоял тоталитарному обезличиванию, что было едва ли приемлемо для автора «Авантюрного сердца». Во время войны он ощутил дух «воинского окопного братства», но тщательно при этом оберегал свою личностную автономию.

Естественно, особое значение имеет проблема отношения Юнгера к Гитлеру и нацизму после 1945 г. Здесь переплетаются вопросы генезиса национал-социализма, его прихода к власти, политики «третьего рейха», ответственности за преступления режима и его лидеров. Нельзя сказать, что Юнгер не произвел расчета с Гитлером и нацизмом, но сделал он это весьма своеобразно: из плоскости реальной политики он перенес его в сферу метафизики. Это выглядело масштабно. Гитлер представлялся как некое абсолютное зло, но, в общем-то, абстрактно. Учитывая углубление обоих биографов в образ мыслей и творческую лабораторию своего героя, можно было ожидать, что будет более основательно рассмотрен вопрос о соотношении в подходе Юнгера свойственного ему стиля и вольного или невольного стремления уйти от конкретной оценки нацистского режима и его лидера. С этой точки зрения, характерны такие юнгеровские произведения первых послевоенных лет, как «Излучения» (1949), «Гелиополис» (1949), «Гордиев узел» (1953) и др.

Конечно же, вопрос о происхождении нацизма, а также его корнях и природе еще долго будет занимать не только немецких исследователей. Проблема дистанции Юнгера от нацистского движения и режима – одна из самых острых и спорных. И Швилк, и Кизель считают, что смешивать Юнгера с нацизмом не корректно с точки зрения биографических фактов и творческой эволюции мыслителя. При этом оба обращают особое внимание на собственно юнгеровское понимание «вопроса виновности», стараясь избежать прямых оценок. Общее в обеих биографиях – фактическое подтверждение «ухода» Юнгера от проблемы. Кизель в единственном экскурсе, посвященном этой теме, упоминает и о раннем признании «общей вины», и о рассуждениях Юнгера о «пути модерна» в связи с тоталитаризмом, выводящих феномен нацистских преступлений далеко за рамки Германии²². Схожим образом Швилк говорит и о том, что для Юнгера «техника массового убийства еще одно подтверждение тенденций современной цивилизации»²³, а для обозна-

²² Kiesel. Op. cit. S. 552–557.

²³ Schwilk. Op. cit. S. 435.

чения особой позиции Юнгера приводит в пример факт расхождения с Карлом Шмиттом в вопросе оценки такого события, как «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г., упоминая о том, что Юнгер не принял оппортунизм Шмитта и демонстративно переправил последнему письмо, в котором запретил «Фелькише беобахтер» публиковать свои работы²⁴.

Вызывает вопросы структура обеих биографий. Как уже говорилось, в них послевоенному периоду жизни и творчества Юнгера, охватившему полвека, уделено менее четверти объема. Это представляется, по меньшей мере, странным, поскольку обстоятельный анализ позднего творчества мыслителя позволил бы глубже раскрыть проблему его ответственности и за крах Веймарской республики, и за то, что после этого последовало. Под этим углом зрения интересны не только его труды, но и его рефлексия, отразившаяся в документах сугубо личного характера. Как раз в связи с этим особого внимания заслуживают исправления, внесенные им в его знаковые труды Веймарского периода. В какой мере они обусловлены стремлением «замести следы» (в чем его фактически обвинил бывший личный секретарь Армин Молер) или же переосмыслением своего исторического опыта? Это тем более непонятно, потому что обстоятельный анализ произведений Юнгера второй половины XX в. мог бы изменить представление о нем, сложившееся по самым шумевшим произведениям. Кроме того, это сделало бы убедительнее его оценку как человека всего немецкого XX столетия.

Обе биографии буквально «напитаны» большими именами и наличие именного регистра в каждой из книг, конечно же, является в этом смысле и хорошим подспорьем при чтении и еще одним подтверждением эрудиции авторов. В обеих работах большое внимание уделяется динамике взаимоотношений с такими персонами, как Гуго Фишер, Герхард Небель, Мартин Хайдеггер, Карл Шмитт, глубокой личной связи с братом Фридрихом Георгом, постоянной критической позиции Томаса Манна, которому принадлежит, наверное, одно из самых жестких определений Юнгера: «ледяно-холодный сластолюбец варварства»²⁵.

Авторы едины в том, что Юнгер – фигура большого масштаба (хотя выражают это в разных понятиях: «сейсмограф» у Кизеля или «европейский классик» у Швилка). Оба сходятся в том, что через изучение наследия как «репрезентанта» прошедшего века можно уловить и понять суть произошедших катастроф и иных событий.

²⁴ Ibid. S. 369.

²⁵ Ibid. S. 433.

Есть своя логика в том, что оба биографа не уделили должного внимания вопросу о характере связи между Юнгером и «консервативной революцией», лишь слегка коснулись проблемы влияния юнгеровской мысли на западноевропейских «новых правых», хотя это чрезвычайно важно для понимания места философа в идейно-политическом спектре. Творчество Юнгера явно выходило за рамки «консервативной революции» или, иными словами, радикального консерватизма. Но для подобной идентификации были определенные серьезные основания.

Интересно в этой связи отметить, что взгляды Юнгера имели меньше отношения к так называемому «консервативному повороту» в ФРГ, чем, например, к французским «новым правым» с их идейным лидером Аленом де Бенуа, который активно применяет в своих философских рассуждениях термин Юнгера «Рабочий», благодаря которому для него «в немецком порядке просвечивает социальная структура индогогерманского устройства»²⁶. В интервью журналу «Шпигель» Бенуа сделал особый упор на присущий Юнгеру «экзистенциальный подход»²⁷. Хотя вдохновлялись «новые правые» не только произведениями «раннего» Юнгера. Источником их интеллектуальной подпитки служил издававшийся Юнгером вместе с известным праворадикальным философом М. Элиаде журнал «Антей». Имя Юнгера встречалось и на страницах журнала подобной же ориентации с красноречивым названием “La Destra” («Правая»). В самом конце XX в. наследие Юнгера привлекло внимание молодых немецких ультраправых из “Junge Freiheit”. Имеется в виду, прежде всего, их идеолог, историк Карлхайнц Вайсманн. На наш взгляд, «новых правых» привлекало то обстоятельство, что у Юнгера идеи, родственные «консервативной революции» и в чем-то вызывавшие ассоциации с нацистскими, были облечены в более абстрактную, даже метафизическую форму, а юнгеровский стиль придавал им внеполитическое и даже не лишнее романтизма звучание.

Несмотря на масштаб проведенной работы и широту обобщения, критическое замечание немецкого издания “Die Zeit”, одним из первых откликнувшегося на вышедшие работы, об отсутствии чего-то нового в понимании трудов Юнгера и открытия новых фактов его жизни, в какой-то мере обоснованно²⁸, но это не значит, что работа проведена зря.

Юнгер относится к числу авторов, которые еще долго будут вызывать споры и дискуссии, и его фигура наверняка не оставит заинтересо-

²⁶ *Christadler*. 1983. S. 200.

²⁷ *Den alten Volksgeist...* S. 162.

²⁸ *Baron*. S. 27.

ванных исследователей его интеллектуального наследия без работы в XXI в. В этом смысле биографии Юнгера в исполнении двух немецких авторов – еще один шаг вперед в этом направлении.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Baron U.* Und über Jünger nichts Neues // *Zeit Literatur*. Hamburg. November. 2007. № 46. S. 27–28.
- Christadler M.* Die “Nouvelle Droite” in Frankreich / Hrsg. I. Fetscher. München. C.H. Beck Verlag. 1983. 268 s.
- «Den alten Volksgeist erwecken». Alain de Benoist über die “Verwurzelungst” – Ideologie der französischen Neuen Rechten // *Spiegel*. Hamburg. 1979. № 34. S. 157–162.
- Ernst Jünger-Gershom Scholem. Briefwechsel 1975–1981 // *Sinn und Form*. №. 2009. S. 293–302.
- Kiesel H.* Wissenschaftliche Diagnose und Wision Der Moderne. Max Weber und Ernst Jünger. Hiedelberg. Manutius Verlag. 1994. 222 s.
- Kiesel H.* Nachwort des Herausgebers. In: Ernst Jünger – Carl Schmitt. Die Briefe. 1930–1983. Hrsg. von H. Kiesel. Stuttgart, 1999. S. 851–881.
- Kiesel H.* Eintritt in ein cosmisches Ordnungswissen // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 29 Marz 1999. № 74. S. 55.
- Kiesel H.* Ernst Jünger. Die Biographie. Siedler Verlag. München. 2007. 717 s.
- Magie der Heiterkeit. Ernst Jünger zum Hundertsten. Hrsg. G. Figal, H. Schwilk. Stuttgart. Klett-Cotta. 1995. 332 S.
- Martus S.* Ernst Jünger. Stuttgart. Weimar. Metzler. 2001. 269 s.
- Paetel K. O.* Ernst Jünger in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Reinbek bei Hamburg. 1962. 176 s.
- Ernst Jünger – Leben und Werk in Bilddokumenten und Texten / Hrsg. H. Schwilk. Stuttgart. 1988. 320 s.
- Schwarz H. P.* Die konservative Anarhist. Politik und Zeitkritik Ernst Jüngers. Freiburg in Br. 1962. 309 s.
- Schwilk H. Ernst Jünger – A. Hitler. Die Briefe // *Welt am Sonntag* 17.01.1999 [Электронный ресурс]. – URL: http://home.snafu.de/os/juenger/wams17_1.htm
- Schwilk H.* Widerstand durch reine Geistnacht. Ernst Jünger im Dritten Reich // *Criticon*. Konservativ heute. München. Januar. Februar. März. 1998. № 157. S. 22–27.
- Schwilk H.* Ernst Jünger–Prophet der Globalisierung // *Criticon*. Konservativ heute. München. Winter. 2000. № 168. S. 26–30.
- Schwilk H.* Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biografie. Piper Verlag. München. 2007. 623 s.

Казаков Сергей Оганович, соискатель кафедры новой и новейшей истории историко-политологического факультета Пермского государственного университета им. М. Горького; teodor730@gmail.ru